

Полицейская деятельность

Правильная ссылка на статью:

Сысоев А.А. — Научно-техническое обеспечение сыска уголовных преступников на территории Восточной Сибири в досоветское время // Полицейская деятельность. – 2023. – № 3. DOI: 10.7256/2454-0692.2023.3.39831 EDN: RRHEPN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39831

Научно-техническое обеспечение сыска уголовных преступников на территории Восточной Сибири в досоветское время

Сысоев Алексей Александрович

кандидат исторических наук

доцент, кафедра тактико-специальной и оперной подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России

664074, Россия, Иркутская Область область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110

✉ daosss1972@yandex.ru

[Статья из рубрики "История развития Российской полиции"](#)

DOI:

10.7256/2454-0692.2023.3.39831

EDN:

RRHEPN

Дата направления статьи в редакцию:

22-02-2023

Аннотация: В условиях современной трансформации Российской государственности закономерно усилилось внимание к проблемам совершенствования правоохранительной деятельности. Особое значение приобрели вопросы применения современных научных достижений. Неслучайно на протяжении последнего десятилетия заметно активизировалось изучение процесса становления и развития уголовного сыска. Объектом исследования является деятельность полиции Восточной Сибири, направленная на борьбу с уголовной преступностью, предметом – реализация этой в деятельности посредством внедрения передовых научных достижений. Цель исследования заключается в определении содержания, тенденций, закономерностей и противоречий процесса становления и развития уголовного сыска. Научная новизна проведенного исследования заключается в анализе особенностей внедрения в деятельность полиции Восточной Сибири передовых методов сыска. Практика борьбы с уголовной преступностью в досоветское время на территории Восточной Сибири демонстрировала насущную потребность в применении новейших достижений науки и техники. Вследствие отсутствия эффективных средств и способов установления личности

преступников система уголовного сыска Восточной Сибири не выполняла своих основных задач. Уже во второй половине XIX столетия неуклонное снижение личной и имущественной безопасности сибирского населения потребовало от местной администрации принятия самых решительных мер. Одним из наиболее перспективных направлений борьбы с уголовной преступностью представлялось использование передовых методов сыска. Однако из-за финансовых затруднений применение перспективных методов в оперативной деятельности на протяжении многих лет оставалось лишь уделом энтузиастов-одиночек. Отдаленность от метрополии, кадровый кризис и недостаточное финансирование оказали решающее значение на саму возможность использования в сыскной деятельности передовых научно-технических достижений.

Ключевые слова:

сыск, полиция, преступность, судебная фотография, антропометрия, Восточная Сибирь, приметы, регистрация, ссылка, финансирование

Практика борьбы с уголовной преступностью в досоветское время демонстрировала насущную потребность в применении новейших достижений науки и техники.

«Должностные лица и органы власти должны быть вооружены средствами борьбы вполне соответствующими вооружению и утонченным приемам современных воров, грабителей и убийц», – писал по этому поводу видный деятель уголовного сыска начальник Московской сыскной полиции статский советник Василий Иванович Лебедев. По мнению известного криминалиста, «в ряду таких средств борьбы самым могущественным оружием являлись знания, всестороннее научное изучение преступного мира в целях практического применения правильных научно-обоснованных методов и средств предупреждения, пресечения и расследования преступлений». [\[1, С. 180\]](#)

Василий Иванович являлся одним из инициаторов введения научных методов в деятельность отечественных правоохранительных структур. Практик и ученый в одном лице В.И. Лебедев утверждал, что применение регистрационных учётов, использование дактилоскопии, антропометрии, фотографии и служебных полицейских собак является необходимым условием для успешной борьбы с прогрессирующей уголовной преступностью.

«Правильная постановка регистрации и точное выполнение всех основных требований имеют особо важное значение в переживаемый ныне момент необычного развития преступности», – отмечали по этому поводу и высшие чиновники департамента полиции. [\[2, С. 28\]](#)

Уже во второй половине XIX столетия неуклонное снижение личной и имущественной безопасности российского населения потребовало от отечественных правоохранителей принятия самых решительных мер. На этом фоне стремительный рост уголовной преступности на Восточных окраинах Империи, как нельзя лучше указывал на необходимость использования передовых методов сыска.

К указанному времени Восточная Сибирь являлась местом массовой ссылки уголовных преступников. По приблизительным оценкам исследователей отечественной пенитенциарной системы только в течении XIX столетия из центральных и южных

областей Российской Империи в Сибирь за различные правонарушения было перемещено около 900 тыс. человек.^[3, с. 9] К началу XX столетия в Сибири числилось 298577 ссыльных^[4, с. 22]. В Восточной ее части, куда традиционно ссылали за совершение наиболее тяжких проступков, отбывало наказание около 142391 чел.^[5, с. 32] Таким образом, по данным чиновников главного тюремного управления, общее количество ссыльных составляло тогда «почти 1/6 настоящего народонаселения края».^[6, с. 158]

Большая часть этой многоликой массы фактически не контролировалась властями и имела неограниченные возможности перемещения с места на место. Указывая на этот фактор, отечественные криминологи отмечали, что, «половина поселенцев не оставалась на своих местах причисления, а из них половина превращалась в бродяг, которые вследствие всего своего прошлого и непрерывного передвижения по тюрьмам и этапам, были лишены почти всяких признаков нравственности».^[7, с. 65] Современные исследователи отечественной пенитенциарной системы оценивают количество таких бродяг, на территории Восточной Сибири к 1898 г. в 45610 чел. Особенно много их было в Иркутской губернии – 29403 чел.^[8, с. 36]

Именно поэтому первая попытка модернизации системы сыска беглых преступников была предпринята иркутскими чиновниками еще в 1865 г. Тогда Иркутский судебный кабинет обратился к министру внутренних дел графу П. А. Валуеву с предложением, «организовать при губернской тюрьме особое отделение для снятия карточек с ссылокаторжных и бродяг, в видах скорейшего задержания первых в случае совершения ими побега, и ускорения следствия и суда над последними».

Проект предполагал изготовление фотографических карточек со всех проходящих через Иркутский тюремный замок ссылокаторжных. Карточки планировалось хранить в особом тюремном альбоме под известным номером и распространять в случае побега преступников в полиции Забайкальской области и Иркутской и Енисейской губерний.

По предварительным расчетам для организации фотографического отделения требовалось ежегодное пособие из казны в размере 500 руб. За практическое осуществление фотографических работ выразил желание взяться Иркутский купец Гроссман. Изготовление одной карточки оценивалось им в 75 коп., копии – 25 коп. Планировалось производить в течение года не более 500 фотографических снимков и делать с них до 1000 копий.

Однако, после рассмотрения проекта в высшей инстанции, новаторское предложение отклонили. По мнению министра, в связи с «неудовлетворительным устройством каторжных работ, когда из оных совершается столь значительное количество побегов, не представлялось никакого основания осуществлять изъясненную меру на предлагаемых Иркутским судебным комитетом основаниях, так как сумма всех расходов составля[ла] значительную цифру».[Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО), ф. 24, оп. 2, д. 22, л. 1-2.] Путем нехитрых вычислений высшие чиновники Империи пришли к выводу, что для расходов по фотографированию всех беглецов потребуется ежегодно не 500, как предполагали местные власти, а 7000 руб. в соответствии с реальным положением дел.

Таким образом, в Восточной Сибири из-за финансовых затруднений применение судебно-полицейской фотографии для уголовного сыска на протяжении многих лет оставалось лишь уделом энтузиастов-одиночек.

Сведения об одном из них сохранились благодаря иркутской летописи Нита Степановича Романова, который зафиксировал в своих трудах, что 17 февраля 1897 г. в Санкт-Петербургском антропологическом обществе демонстрировались альбомы с фотографиями типов убийц, бродяг и «сменщиков», составленные следственным приставом Иркутской городской полиции Николаем Дмитриевичем Добронравовым. [Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. / Издание подготовлено Н.В. Куликаускене. Иркутск, 1993. С. 365] Через несколько лет в августе 1901, по сведениям другого иркутского летописца Юрия Петровича Колмакова, стараниями Н.Д. Добронравова, при городском полицейском управлении была открыта выставка фотографических карточек выдающихся убийц и воров.[Иркутская летопись 1661-1940 гг. Составитель, автор предисловия и примечаний Ю.П. Колмаков. Иркутск: «Оттиск», 2003. С. 138]

Однако отдельные инициативы на местах без действующей, основанной на использовании научно-обоснованных методов, централизованной системы регистрации уголовных преступников, не могли оказать какого либо серьезного влияния на улучшение криминогенной ситуации в регионе. Причем, если организация фотографирования преступников оказалась невозможна по причине недостаточности финансирования, то применение антропометрической системы Бертильона не нашло широкого применения вследствие низкой профессиональной подготовленности сотрудников сибирской полиции.

Успешно используемая полицией Санкт-Петербурга, где антропометрическое бюро действовало с 1 июня 1890 года, система А. Бертильона показала достаточно высокую эффективность в деле борьбы с уголовной преступностью. Разработанный французским сыщиком способ регистрации основывался на измерении определенных частей человеческого тела и позволял с достаточно высокой степенью достоверности идентифицировать преступника. Положительный опыт столичной полиции и отсутствие значительных трат на применении системы Бертильона предполагали ее дальнейшее широкое распространение в масштабах всей Империи.

Поэтому уже 15 сентября 1901 г. циркулярным предписанием МВД № 4789 всем начальникам губерний было предложено «войти в обсуждение вопроса об организации в губерниях антропометрических станций». В связи с тем, что «антропометрические станции, имея ближайшею целью удостоверение личности обвиняемых или заподозренных, а иногда и просто подозрительных лиц, являются одним из средств розыска», губернскому руководству предлагалось на первое время ограничиться хотя бы одной станцией в каждом губернском городе.[Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК), ф. 26, оп. 2, д. 12, л. 3.] В результате инициативы центрального аппарата, уже через год, по сведениям современного исследователя С.А. Невского, «число подобных станций возросло в России до 76».[9. С. 120]

С 1 января 1907 г. при департаменте полиции стал функционировать регистрационный отдел, предназначенный для сбора и классификации имевшейся информации о наиболее опасных преступниках. Для наведения справок и установления личности рецидивистов использовались регистрационные карты примет преступников и их фотографические снимки. С этой целью в состав отдела было включено центральное фотографическое бюро, в котором хранились все фотографии преступников и карточки примет. При этом, внимание чиновников полиции на местах акцентировалось, «на своевременном фотографировании, при малейшей к тому возможности, как мест и обстановки совершения выдающихся преступлений, так и убитых и найденных неизвестного звания умерших, стараясь получить фотографии с трупа или обстановки места совершения

преступления в самый первый момент».[ГАЗК, ф. 26, оп. 2, д. 12, л. 6.]

Дополнительный импульс к введению инноваций в области уголовного сыска был дан законом «Об организации сыскной части», вступившим в силу 6 июля 1908 г. В соответствии с законом во всех крупных административных центрах Империи создавались специализированные полицейские органы – сыскные отделения. В обязательном порядке все отделения комплектовались приборами для регистрации преступников. В соответствии с п. 29 «Инструкции чинам сыскных отделений», организационно в каждое сыскное отделение включалось оперативно-регистрационное бюро, которое должно было «составлять главную часть внутренней организации сыскного отделения» и обеспечивать применение новейших достижений криминалистики.

В административных центрах Восточной Сибири создали сыскные отделения при полицейских управлениях Иркутска, Красноярска и Читы. И как сообщал Иркутскому генерал-губернатору военный губернатор Забайкальской области Владимир Иванович Марков, «сыскное отделение [было] снабжено усовершенствованными препаратами и пособиями, основанными на научных данных, как о способах исследования преступлений, так и способах розыска и опознания преступников».[ГАЗК, ф. 25, оп. 3, д. 1737, л. 161.]

Дошедшие до нашего времени описи имущества подтверждают переписку высших чиновников губернии и позволяют судить о достаточно хорошем техническом оснащении сыскных отделений. Так, согласно описи вещевого имущества в Читинском сыскном отделении на вооружении у сыщиков имелись: «ящичек антропометрического инструмента системы "Бертильона", фотографический ручной аппарат системы "Кодак" с двумя жестяными кассетами, один фотографический аппарат системы "Бертильона" с объективом, четыремя кассетами и штативом, стул для арестантов при фотографировании с головным держателем, дактилоскопический прибор, линейка с метрическими делениями для регистрации, увеличительным стеклом "Телескоп", техническая рулетка с делениями длиной 5 сажень, лупа для разборки дактилоскопических оттисков, таблица радужных оболочек глаз». К техническому имуществу прилагались соответствующие инструкции и методическая литература. Библиотеку отделения составляли следующие издания: «Общие указания, касающиеся антропометрического измерения», «Инструкция для фотографирования преступников», «Карты словесного портрета», «Регистрация и установки личности при помощи оттисков пальцев».[ГАЗК, ф. 26, оп. 2, д. 68, л. 34.]

Таким образом, сыскные отделения в Восточной Сибири получили достаточный объем специальной литературы и технических средств, требуемых для применения в оперативной деятельности научно-обоснованных методов системы регистрации уголовных преступников. Однако, служебная переписка, сохранившаяся в государственных архивах Иркутской области, Красноярского и Забайкальского краев, позволяет судить о том, что низкий уровень профессиональной подготовки персонала сыскной полиции исключал соблюдение требований «Инструкции чинам сыскных отделений» в части использования имеющихся технических средств и привлечения к этой работе оперативного персонала.

Отсутствие самой возможности получения практического опыта по применению передовых способов регистрации правонарушителей элиминировало содержание п. 29 «Инструкции», гласившего о том, что регистрация и фотографирование преступников должны были возлагаться на одного из постоянных служащих сыскного отделения. В действительности основами дактилоскопии и антропометрии не владели даже руководители оперативных подразделений.

Об этом свидетельствует докладная записка начальника сыскного отделения Читы Василия Александровича Свитнева, в которой он ставил в известность губернатора Забайкальской области о том, что «я, а так же и бывший начальник отделения Ялин не ведем правильной регистрации преступников и не пользуемся способами по системе Бертильона... и не можем применять как правильного дактилоскопирования, а так же и антропометрического описания, фотографирования и вычисления дактилоскопии».[ГАЗК, ф. 26, оп. 2, д. 38, л. 2.] Объяснял это Василий Александрович тем, что за весь период службы ни он, ни его предшественники не проходили профессиональной подготовки на специально организованных в Санкт-Петербурге курсах.

Не лучше обстояли дела и у иркутских сыщиков, которые, по отзыву инспектирующего их деятельность советника 1-го отделения Губернского управления П.Н. Подъяпольского, «с министерской инструкцией для сыскных отделений были совершенно не знакомы и сыск производили примитивными способами».[ГАИО, ф. 32, оп. 13, д. 21, л. 13.]

Отсутствие у чиновников сибирской полиции знаний и умений в области применения средств регистрации, представлялась к указанному времени явлением повсеместным и определялось главным образом отсутствием самой возможности получения специальной подготовки ее сотрудниками.

Имеющиеся архивные материалы позволяют судить о том, что за неполные 9 лет существования сыскных отделений Иркутска и Читы, из 116 служащих полиции обучение на специальных курсах по использованию технических средств регистрации прошел лишь один сотрудник. В январе 1917 г., благодаря исключительно личной инициативе, на учебу в Петроград был направлен начальник Читинского сыскного отделения В.А. Свитнев.[ГАЗК, ф. 26, оп. 2, д. 38, л. 2.] Обучение же остальных сыщиков если и производилось, то только по учебным пособиям и иной технической литературе, без каких либо консультаций со стороны специалистов.

Недостаточная компетентность полицейских в вопросах применения технических средств регистрации усугублялась низким уровнем грамотности местного населения, который был в два раза ниже, чем в центральных областях России [\[10, с. 15\]](#). Так, в 1910 г. из двух полицейских надзирателей Иркутского сыскного отделения лишь один – Бычков, оказался, по отзывам инспектирующих лиц, «довольно способным и грамотным чиновником», второй же – Тышковский, был признан не сведущем ни в письме, ни в чтении.[ГАИО, ф. 32, оп. 13, д. 21, л. 15.]

Сложившееся положение осложняли проблемы с финансированием сыскных органов на местах. Так, арендованная в доме Крыленко на Енисейской ул. для размещения Читинского сыскного отделения, квартира не имела отдельных помещений для фотографирования и проведения антропометрических измерений преступников. Поэтому, «пока было тепло, – вспоминал начальник отделения Кузьма Глебович Даценко, антропометрические замеры и фотографирование преступников проводили на дворе». Когда же наступило холодное время, регистрацию преступников было решено прекратить, так как, «в квартире, занимаемой сыскным отделением, подходящей для этого комнаты не имелось».[ГАЗК, ф. 26, оп. 2, д. 263, л. 42.]

В ситуации, когда подавляющая часть правоохранителей не имела профессионального образования и обладала лишь начальными навыками чтения и письма эффективное применение антропометрической системы Бертильона, фотографии и дактилоскопии оказалось не возможным в принципе. Те же приметы и фотографии, которые все-таки удавалось получить, по признанию самих полицейских чиновников, «были сняты

настолько небрежно и бессистемно, что не имелось ни какой возможности использовать накопленный материал».[ГАЗК, ф. 26, оп. 2, д. 12, л. 2.]

В результате по данным департамента полиции, «в большинстве случаев регистрационные карты вообще не доставлялись, или присылались с опозданием на несколько месяцев». Только за январь 1915 г. из 107 сыскных отделений регистрационные карты представили всего 20 отделений. Вполне обоснованно чиновники министерства считали этот недостаток «совершенно недопустимым препятствием к осуществлению предполагаемого департаментом полиции сосредоточения в центральном регистрационном бюро возможно большего и полного регистрационного материала».[ГАЗК, ф. 26, оп. 2, д. 29, л. 75.]

В этом контексте следует отметить, что проблема сбора и систематизации разрозненных сведений, касающихся розыска тех или иных лиц, находящихся в пределах Империи усугублялась с удалением от центральных областей и приобретала самые острые формы на ее восточных окраинах. Так, например, для полиции Забайкальской области случаи, когда материалы, собранные на одного человека, оказывались рассредоточенными по разным делам и архивам являлись повсеместными и имели системный характер. Используемая здесь система розыска уголовных преступников, носила децентрализованный характер. Суть ее заключалась в том, что чиновники «местных полиций» сами рассылали объявления о розыске того или иного человека по учреждениям пенитенциарной системы, полицейским частям и волостным правлениям. Наиболее полное представление о механизме подобного вида розысков можно получить, рассмотрев комплекс мероприятий, проводимых канцелярией военного губернатора Забайкальской области для установления личности неизвестного, назвавшегося именем Фон-Плике Кваснецким.

С этой целью в Александровское окружное полицейское управление было направлено требование о проведении так называемой «улички». Чиновники поручили своим провинциальным коллегам «предъявить чинам тюремной стражи и командам сс. каторжных приложенную к прошению фотокарточку, не признает ли кто в изображенной в ней личности кого либо из бегло каторжных, а затем всю переписку направить для той же цели в Тышковский округ, с тем, что бы из этого округа переписка была передана в Корсаковский округ, а затем, убедившись, что уличка произведена во всех тюрьмах, возвратить переписку в канцелярию губернатора».[ГАЗК, ф.26, оп. 1, д. 129, л. 109.]

Потоки аналогичных прошений порождали нескончаемую бумажную волокиту. За год через обычную полицейскую часть проходили десятки тысяч единиц подобной переписки в результате такой «бюрократизации» уголовного сыска, затрачивались значительные средства и время. Отсутствие общего банка данных, содержащего сведения о правонарушителях, когда-либо совершавших уголовные преступления, позволяло многочисленным рецидивистам разгуливать на свободе под вымышленными именами. В результате в крае приобрело самые широкие масштабы явление смены имен. Зачастую, благодаря несовершенству системы регистрации, один и тот же преступник задерживался и осуждался за противоправные деяния под разными именами.

Исключить подобные казусы была призвана система циркулярного розыска, введенная на территории Российской Империи в 1913 г. Однако ключевая проблема сибирской полиции, заключавшаяся в жесточайшем кадровом кризисе, не позволяла использовать новую систему в полной мере, ведь результативность применения циркулярного розыска обуславливалась эффективностью системы регистрации и учета преступников, которая в свою очередь напрямую зависела от профессиональных качеств исполнителей.

Требования «Инструкции чинам сыскных отделений» о создании в структуре каждого розыскного органа регистрационных бюро, предусматривающих в своем составе специально подготовленных сотрудников, в действительности не соблюдались. Подготовить специалиста, не только компетентного в вопросах регистрации преступников, но и владеющего всем комплексом мероприятий по систематизации сведений, установлению личности и подготовке справок о судимости не представлялось возможным в принципе. В условиях кадрового голода о выделении отдельных сотрудников для заведывания регистрационным бюро не могло быть и речи. По свидетельству иркутян, современников тех событий, «зачастую при раскрытии сложных преступлений в течении нескольких суток отделение вообще оставалось лишь при одном дежурном, обязанности которого относил один из четырех штатных городских отделений». [ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 2846, л. 51.]

«При существующем штате отделения, докладывал по этому поводу губернскому правлению начальник Иркутского сыскного отделения Н.А. Романов, не является возможным, для более рациональной постановки дела распределить работу чинов отделения по группам, имеющим во главе хотя бы одного штатного ответственного агента отделения». [11, с. 48] В сыскных отделениях Красноярска и Читы, относящихся к еще более низкому 4-му разряду ситуация с кадровым обеспечением складывалась еще сложнее.

Постоянные риски и низкая оплата труда обуславливали еще одну проблему – высокие темпы ротации личного состава. Только в Иркутске за 9 лет существования сыскной полиции, при ее штатной численности в 8 сотрудников, сменилось пять начальников, шестнадцать полицейских надзирателей и тридцать три городских. [ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 2844, 2891; оп. 2, д. 1901.] Еще выше текучесть кадров была в сыском отделении г. Читы, где за тот же период сменилось шесть начальников, девятнадцать полицейских надзирателей и тридцать шесть городских. [ГАЗК, ф. 26, оп. 1, д. 344, 475, 513; оп. 2, д. 15, 20, 30, 31, 38, 63, 68.] Такая высокая динамика смены сотрудников существенно снижала профессиональный уровень сыщиков, квалификация которых находилась в прямой зависимости от времени пребывания в должности, ведь в рассматриваемый период необходимые знания и умения правоохранителями приобретались исключительно в ходе практической деятельности.

Таким образом, дошедшие до нашего времени архивные источники позволяют судить о том, что вплоть до расформирования в 1917 г. местных полиций в их структуре отсутствовали специализированные бюро, предназначенные для регистрации и учета уголовных преступников.

Наличие в материальном оснащении сыскной полиции Восточной Сибири специальных технических средств и учебной литературы нивелировалось отсутствием профессиональной подготовки и низким уровнем грамотности ее сотрудников. Благодаря значительному удалению от центра и жесточайшему кадровому голоду посещение специальных курсов повышения квалификации и школ для чинов сыскной полиции оказалось не возможным. За весь период существования сыскных отделений Иркутска, Красноярска и Читы специальную подготовку на двухмесячных курсах для начальников сыскных отделений получил только один сотрудник, посетивший их по личной инициативе.

Инициативы отдельных чиновников полиции без адекватной финансовой поддержки и необходимого кадрового обеспечения не могли оказать должного влияния на общее положение дел. Проблема осуществления регистрации уголовных преступников при

помощи передовых научно-технических методов на территории восточных окраин Империи оставалась не разрешенной вплоть до событий февраля 1917 г.

Вследствие отсутствия эффективных средств и способов установления личности преступников система уголовного сыска Восточной Сибири не выполняла своих основных задач. На территории края получали широкое распространение случаи бюрократизации оперативно-розыскных мероприятий и смены имен. В условиях фактической неспособности местных полиций к выявлению подозреваемых в совершении преступлений и обнаружению разыскиваемых, многочисленные рецидивисты получали возможность безнаказанно совершать противоправные деяния под чужими именами без адекватного наказания. Отдаленность от метрополии, кадровый кризис и недостаточное финансирование оказали решающее значение на саму возможность использования в сыскной деятельности передовых научно-технических достижений.

Библиография

1. Лебедев В.И. Искусство раскрытия преступлений: Дактилоскопия. (Пальцепечатание). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса жандармов, 1912. 160 с.
2. Сысоев А.А. Начальник Иркутского сыскного отделения Николай Александрович Романов // Вестник ВСИ МВД России. 2018. №3 (86). С. 26-31.
3. Горюшкин А.М. Ссылка и каторга в Сибири XVIII начала XX вв. // Ссылка и каторга в Сибири XVIII начала XX вв. Сборник статей под ред. А.М. Горюшкина – Новосибирск, 1975. 304 с.
4. Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири XVIII начала XX вв. Сборник статей под ред. А.М. Горюшкина – Новосибирск, 1975. 304 с.
5. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. 547 с.
6. Соломон А.П. Ссылка в Сибири. Очерк ее истории и современного положения для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. С.Пб., 1900. 53 с.
7. Рубцов С.Н. Уголовный сыск российской полиции Восточной Сибири. Монография. 2-е изд., испр., доп. Красноярск: Институт естественных и гуманитарных наук Сибирского федерального университета, 2007. 215с.
8. Сысоев А.А. Пенитенциарный рецидив, как проявление множественной уголовной преступности в Восточной Сибири на рубеже XIX и XX столетий // Проблемы социально-экономического развития Сибири 2019. №2 (36). С. 35-43.
9. Невский С.А. Антропометрические станции (бюро) в Российской Империи (Из истории научного обеспечения деятельности полиции) // Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников министерства внутренних дел Российской Федерации. 2016. № 39. С. 119-124.
10. Серебренников В. Грамотность в Сибири по переписи 28 января 1897 г. // Сибирские вопросы. 1907. № 17. С. 15.
11. Сысоев А.А. Уголовный сыск с использованием научно-технических методов в деятельности полиции Восточной Сибири // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (5). С. 46-50.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Научно-техническое обеспечение сыска уголовных преступников на территории Восточной Сибири в дореволюционное время // Полицейская деятельность.

Проблема зарождения и развития научно-технического обеспечения деятельности полиции в дореволюционной России начала XX в. почти не разработана в современной литературе. Оригинальная тема статьи привлечет внимание историков внутренней политики царизма, а также тех, кто интересуется осуществлением этой политики на местах, в том числе в Восточной Сибири. Работа основана на документах двух сибирских архивов, причем привлечены дела, которые редко используются исследователями. Автор использовал и опубликованные источники начала XX в. В совокупности источниковая база получилась солидной. Актуальность работы заключается в выдвижении новой проблемы организации полицейского сыска в дореволюционной России: использования новых методов характеристики внешности, а с другой стороны, привлечение новых технических устройств, прежде всего фотоаппаратуры. Автор использует разные методологические приемы для освещения темы, главным образом, описательный и проблемно-хронологический. Предметом изучения стал процесс внедрения новых методов полицейского сыска дореволюционной России. Названы объективные трудности внедрения этих методик в Сибири. К их числу автор относит отсутствие финансов, низкую общую грамотность рядовых сотрудников полиции и даже подготовленных чиновников, отсутствие различных обучающих пособий. Трудности усвоения новых требований большим количеством чинов полиции и др. С точки зрения развития науки в статье идет речь не только о зарождении антропометрических методов описания внешности, так как до конца XIX в. полицейские использовали только словесные описания особых примет внешности уголовных преступников. Необходимо отметить, что содержание статьи значительно шире объявленной темы, т.к. предлагает другую интересную информацию о поиске уголовных преступников, многочисленных побегах, массовой смене имен и фамилий, неряшливости и неполноценности надзорных документов уголовных преступников. Стил, структура и содержание соответствуют заявленной теме и логично ее раскрывают. Библиографический список отражает современную литературу, но очевидно, что такой литературы немного и тем важнее новизна поднимаемой темы. На первый взгляд, в статье отсутствует апелляция к оппонентам, но содержание работы побуждает глубже исследовать аналогичные проблемы, понимать отличие восточносибирских реалий от других регионов страны, сопоставить условия регистрации и содержания разных групп ссыльных и каторжан. Логично построенный текст, интересные факты и наблюдения автора, общий стиль изложения в совокупности, несомненно, вызовет интерес читательской аудитории, как опытных исследователей и практиков, так и студентов, магистрантов и молодых читателей, интересующихся разными сторонами российской истории. Статью рекомендую опубликовать.